

Ровно 100 лет назад — летом 1919 года — белоказаки под командованием генерала Мамонтова прорвали Южный фронт и совершили дерзкий рейд по тылам Красной армии, в ходе которого, захватили железнодорожную станцию Бабарыкино бывшего Ефремовского уезда Тульской губернии, а ныне Становлянского района Липецкой области. Об этой, одной из многих страниц Гражданской войны, я и попытался рассказать читателям в своем повествовании...

Бывшие помещицы Ефремовского уезда мать и дочь Рязановы — пятидесятилетняя Екатерина Михайловна и семнадцатилетняя Софья — из Ельца уезжали в субботу 30 августа 1919 года. Они взяли билет до Ефремова, где намеревались нанять извозчика до Птани.

Побывать в родных птанских местах, взглянуть на развалины своего дома и посетить могилку мужа на Никольском кладбище захотелось Екатерине Михайловне. Весной, в аккурат после Пасхи, она занедужила, стала быстро терять силы и к лету заметно похудела.

«Сонечка, я очень больна и мне, видимо, уже недолго осталось жить на этом свете, но прежде чем умереть, я хочу побывать на месте нашей усадьбы, постоять на том месте, где был наш дом, где мы с твоим отцом прожили счастливую жизнь, и где родились вы с Володей. И еще мне очень хочется побывать на могилке вашего отца. Прошу тебя, свози меня туда, одна я теперь уже не доеду — очень слаба. Прошу тебя ради Христа, Сонечка, не откажи мне», — обратилась Екатерина Михайловна к дочери, при этом часто и хрипло дыша то ли от болезни, то ли от внезапно нахлынувших на нее чувств.

Софья, как могла, отговаривала мать от этой поездки, но та в своем решении оставалась непреклонной. И Софья согласилась.

В дорогу Екатерина Михайловна надела траурную одежду, ту самую, в которой она была одета во время похорон мужа, — черное длинное по щиколотку платье, черные с острыми носами туфли и черную легкую шляпку. Только теперь ее поблеклые и высохшие глаза, худое и бледное, к тому же испещренное мелкими морщинами лицо, были сокрыты под спадавшей со шляпки черной вуалью. Из-под шляпки выбивались пряди седых волос. На руках у Екатерины Михайловны были одеты в мелкую сеточку легкие черные перчатки, а на безымянном пальце левой руки поверх перчатки блестел серебряный с изумрудным камнем их фамильный перстень.

Софья была одета в коричневое ниже колен платье с белым узорчатым и стоячим под горло воротничком и такими же белыми узорчатыми манжетами на длинных рукавах. Платье гармонировало с коричневыми чулками, обута она была в цвета спелой вишни туфли на низком каблукке. Светлая соломенная шляпка ее была сдвинута на затылок и держалась на желтых ленточках, обвязанных вокруг шеи, под шляпкой длинные ниже плеч темно-русые волосы были собраны и заколоты заколкой.

Набрав с трудом денег на билеты, мать и дочь отправились в путь.

Невысокого роста худощавый средних лет кондуктор пассажирского вагона второго класса ефремовец Федор Ложкин, увидев болезненный вид Екатерины Михайловны, усадил ее у окна, Софья села рядом. Напротив Екатерины Михайловны сидел толстый мужчина, на вид которому было около сорока лет. Он был одет в темно-серый костюм, такого же цвета жакет. Под жакетом поверх кипельной белой рубашки был повязан узкий галстук темного цвета. Напротив Софьи сидел небольшого роста, худощавый с аккуратной седой бородкой-клинышком, одетый в светлый легкий костюм, светлую рубашку и светлую шляпу старик лет шестидесяти. В руках он держал небольшой дорожный саквояж. Рядом с ним — мужчина лет тридцати пяти, одетый в темный поношенный пиджак, такие же темные брюки и ботинки. Под пиджаком была рубашка синего цвета с расстегнутой верхней пуговицей. Он был лохмат. Его черные, как смоль, волосы спадали на лоб. Иронично улыбаясь в густую бороду и усы, он часто и с каким-то вожделием поглядывал на Софью цыганистыми глазами, отчего та смущалась, краснела и начинала растерянно моргать и переводить взгляд с одного предмета в вагоне на другой.

Отстукивая металлическими колесами версты на стыках рельс, поезд шел по расписанию, но на станции Становая надолго остановился. Уже прошло больше получаса как его должны были отправить в дальнейший путь, кондуктор Ложкин уже облетел вошедших в вагон новых пассажиров, среди которых был подросток на вид лет четырнадцати, но поезд не отправляли. Подросток уселся на свободное место рядом с Софьей и начал с любопытством осматриваться вокруг. Его цвета спелой пшеницы волосы спадали на лоб, и он то и дело их закидывал рукой поверх головы. Одет он был в черные брюки, заправленные в большие не по размеру — видимо отцовские — сапоги, и светлую расшитую цветными нитками рубашку-косоворотку. В руках он держал небольшой узелок.

— Никогда еще не ездил по чугунке, — радостно проговорил он, обращаясь сразу ко всем, но на его слова никто не обратил никакого внимания, все с нетерпением ждали отправления поезда.

Тем временем кондуктор уже несколько раз выставлял в открытую дверь руку с флажком, сигнализируя о готовности вагона следовать дальше по маршруту, но стоявший на перроне дежурный по станции состав не отправлял. Он несколько раз уходил в станционное здание, затем возвращался, вновь подходил к колоколу, но не звонил в него. Паровоз продолжал стоять и мирно попухивать отработанным паром.

— Раньше, при старом-то режиме, такого безобразия не было, поезда ходили по расписанию, а нынче и спросить не с кого, — не выдержав длительной остановки, недовольным тоном проговорил толстый мужчина. Расстегнув пуговицу на пиджаке, он извлек серебряные на цепочке часы и со щелчком открыл крышку. — Однако уже больше получаса стоим. Когда же поедем? — задался он вопросом, обедая взглядом присутствующих. — Однако, однако, — покачал он головой, вновь щелкнул крышкой часов, закрывая их и убирая в карман.

— Ничего удивительного — время перемен. Оно никогда не проходит безболезненно. К тому же — война! — ответил толстяку сидевший рядом с ним старик.

— И когда же все это безобразие закончится?! — вздохнул толстяк и, достав из

кармана брюк белый накрахмаленный платок, снял шляпу и вытер этим платком вспотевшую затылочную часть.

— Ничего, господин хороший, вот разобьем вражескую гадину, тогда наведем порядок. Тогда поезда по чугунке будут ходить без опозданий,— неожиданно для всех вступил в разговор двух взрослых людей вошедший в вагон подросток.

— А что же это вы говорите: разобьем вражескую гадину, а сами не на фронте? Такие же, как и вы, парни уже давно воюют в рядах красной армии, а вы, наверно, собираетесь воевать с гадиной здесь в тылу? — после небольшой паузы, спросил у подростка сидевший напротив него черноволосый лохматый мужчина и засмеялся.

— Почему же это в тылу?! Еду в Ефремов поступать на службу в красную армию. Вот, пожалуйста, глядите,— при этих словах подросток расстегнул ворот рубашки и извлек из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги.— Брат мой, Колька, письмо прислал.— Он разгладил бумажный лист, разложил его у себя на коленях и, водя по нему пальцем, начал медленно и по слогам читать: *Здравствуйте мои дорогие батя, маманя, сестричка Оленька и брат Акимка. С огромным красноармейским приветом к вам ваш сын и брат Николай. Спешу сообщить вам, што я жив и здоров, што и вам желаю. Недавно меня повысили, назначили командиром взвода. Вот так-то! Знаю, што вам щас дюже тяжело и жить не на што. Высылаю вам здесь в конверте немножко денег из моего командирского жалования. А штобы вам было немножко полегше, хочу предложить вам отправить ко мне Акимку. Посадите его на Становой в поезд, а я его тут встрену. Определю его к себе во взвод, будет он у меня помощником пулеметчика...*— при этих словах Акимка оторвал взгляд от письма и обвел всех присутствующих радостным и гордым взглядом ярко голубых глаз, его покрытое конопушками лицо светилось улыбкой.— Из пулемета буду стрелять! — с гордостью в голосе, произнес он. Затем продолжил читать письмо: *... будем вместе с Акимкой вражескую гадину до конца добивать. Ну, писать боле нечего. Опосля победы над гадиной возвратимся с Акимкой домой, вот тогда и наговоримся обо всем. С поклоном к вам, ваш сын и брат, красный командир Николай Кондратьев Скворцов.*— Аким вновь аккуратно сложил бумажный лист вчетверо и убрал за пазуху.— Ждет меня Колька. Скоро вместе с ним будем до победного конца гадину бить! — при этих словах он потряс кулаком.

Сидящие рядом с Акимкой пассажиры переглянулись друг с другом и улыбнулись.

— Однако, как долго стоим,— после недолгого молчания вновь заговорил толстый мужчина, всматриваясь в окно.— Нужно бы к кондуктору сходить и узнать, в чем дело?

— Давайте я схожу и узнаю, а то никак не дождусь с братом повидаться,— произнес Акимка и, не дожидаясь ничего разрешения, вскочил с места и направился к кондуктору.

— Вот из-за таких глупых людей, как этот мальчик, в России никогда не наступит мир... из пулемета он, видите ли, стрелять будет,— тихим голосом проговорил толстяк, после того, как Аким ушел к кондуктору.

— Он, как вы изволили выразиться,— глуп, потому что молод еще. Повзрослеет — поумнеет,— произнес старик.

— Да, у него сейчас в голове — кавардак,— продолжил разговор черноволосый.— Главное не в этом, главное в том, что он настроен на решительную борьбу с ненавистным ему режимом,— улыбнулся он.

— Я полагаю, что он в свои-то годы еще не успел возненавидеть существовавший до семнадцатого года режим. Плохо то, что у него, как вы любезнейший, изволили выразиться, кавардак не в голове, а и в душе. А это гораздо хуже и страшнее. Люди с таким душевным настроем не успокоятся даже после своей победы. Они так

и будут разжигать войны и им без разницы с кем воевать, лишь бы воевать. И будут воевать до тех пор, пока сами где-нибудь не сложат свою голову,— тихим голосом проговорил старик.

— А вы, похоже, знаток человеческих душ. Уж не поп ли вы? — иронично и с ухмылкой спросил у старика черноволосый.

Их разговор прервал возвратившийся Аким, следом подошел кондуктор Ложкин.

— Нету телеграфной связи с Бабарыкино, не могут туда направить депешу о следовании поезда, потому и стоим,— доложил кондуктор.

— Так может, где на линии провод оборвался, что же теперь, так и будем здесь стоять? — возмущился толстяк.

— Нет-нет, сейчас нас отправят без депешы,— сказал кондуктор, и в подтверждение его слов с улицы донесся удар в колокол дежурного по станции.— Вот, слышали? Я же говорю, что сейчас нас отправят,— произнес он, указывая пальцем в сторону окна, после чего поспешно пошел к двери.

Машинист дал длинный свисток, паровоз громко зафыркал и состав, лязгнув вагонными сцепками, двинулся в путь. Вначале шел медленно, но как только закончилась граница станции, стал набирать ход.

— Да нет, любезнейший, я не поп, как вы выразились,— вновь завел прерванный разговор старик.— А вы что же, против попов будете?

— Да, я против попов,— ответил черноволосый.

— Вы, любезнейший, наверное, не нашей веры, не православной? Наверное, вы веры — иудейской? Не так ли?

— Дело не в том, какой я веры. Дело в том, что любая вера, будь то христианская или иудейская, она от власти...

— А вот в Писании сказано, что всякая вера от Бога,— перебил черноволосого старик.

— Это так в Писании сказано. Но ведь наши-то попы, которые в церквях молятся, они-то власть церковную не от Бога получили, а от царя. Значит, они представители не божественной власти, а царской, а потому являются такими же, как и сам царь, угнетателями трудового народа,— сделал вывод черноволосый.— Нет, все-таки вы точно — поп. И в портфеле своем, наверно, везете какие-нибудь золотые кресты или перстни. Потому-то вы всю дорогу от самого Ельца и прижимаете свой портфель к груди, из рук его не выпускаете,— сделал он предположение, указав рукой на саквояж старика, при этом злорадно ухмыльнулся.

— Да нет, любезнейший, к сожалению, я не священник,— вздохнул старик и еще сильнее прижал к себе саквояж.

— Стоит ли сожалеть о том? — не унимался черноволосый.— Церковь не выполнила свою главную функцию; она не смогла внести в умы и, как вы говорите, в души, доброту и любовь! Германская война переросла в войну внутреннюю, пошел брат на брата! И где же та доброта вместе с любовью, о которых молились в церквях?!

— А моя мамка тоже всегда Богу молится,— вновь встрял в разговор взрослых Акимка.— Батька говорит, что Бога нету, раз он допустил войну, а мамка говорит, что это он нас так наказал, но за что наказал, не сказывала.

— Правильно твой батька говорит, что Бога нет,— повернувшись к Акиму, сказал черноволосый.

— А я, представьте себе, сожалею, что в свое время не стал поступать на учебу в духовную семинарию, а поступил учиться на врача,— не обращая внимания на слова черноволосого об отсутствии Бога, вновь заговорил старик.— Сейчас я как врач фактически не практикую, а занимаюсь научной работой по изучению человеческой души.

— Как можно изучать то, чего нет?! — перебил его черноволосый и засмеялся.

— Ну, хорошо, давайте я вам скажу по-другому: я изучаю состояние человека при воздействии на него факторов, способных вызвать душевные волнения различной степени.

— Это как?! — изумился Акимка.

— Да скажите попроще, чтобы всем было понятно,— попросил старика толстяк.

— Ну, чтобы всем было понятно, тогда скажу так: почему один и тот же человек при воздействии на него различных внешних или внутренних факторов становится добрым или злым? Почему, имея даденный ему Богом разум, он совершает не только богоугодные поступки, но и противозаконные, например,— убийство?

— С внешними факторами мне более или менее все понятно, а что вы относите к факторам внутренним? — спросил у старика толстяк.

— Например — настроение. Оно может возникнуть у человека даже от увиденного им сна.

— А что бы изменилось в вашем учении, если бы вы были не врачом, а священником?

— О-о-о! У священника по отношению к врачу в этом вопросе есть большое преимущество.

— Это что же за преимущество такое? — неподдельно удивился толстяк.

— Исповедь! Вот что имеют священники в своем запасе в отличие от нас — психиатров. Исповедь — это нечто иное, нежели врачебная констатация заболеваемости душевнобольного человека. Исповедь — это, если хотите, суд собственной совести над греховностью собственной души. Принимающий исповедь священник получает огромный материал, раскрывающий характер того или иного грешника. Он познает состояние его души при совершении им каких-либо противозаконных или даже низменных проступков.

После сказанного стариком наступила тишина. Поезд тем временем, постукивая колесами на стыках рельс, издавал короткие свистки и приближался к станции Баба-рыкино. Вагон слегка покачивало, за окном сквозь паровозный дым, словно в мареве, мелькали поля, овраги и перелески.

— Я, господа, сейчас еду в Москву, там произошел уникальный случай: девка легкого поведения убила своего на много старше себя мужа только за то, что тот на склоне своих лет стал слюняв и соплив. Меня пригласил мой знакомый врач, в прошлом мой ученик, который давал суду врачебное заключение по ее психическому состоянию, и он в ее поведении нашел очень интересные моменты, которые для моей научной работы могут иметь большое значение. Очень жаль, что у исповедовавшего ее священника мне не удастся узнать то, о чем она ему рассказала — тайна исповеди!

— Полноте вам! Она же, видимо, просто сумасшедшая, о чем можно говорить с сумасшедшим человеком,— махнул рукой толстяк.

— Тем и интереснее мне было бы узнать все то, о чем она рассказала священнику,— вздохнул старик. Затем взглянул на Екатерину Михайловну.

— А вы, любезнейшая барыня, как считаете, можно ли изучить человеческую душу, или такое человеку не под силу? — обратился он к ней.

— Насколько я поняла из вашего разговора, вы любите разговаривать с людьми в той или иной степени страдающими душевной болезнью. И, видимо, ко мне вы обратились только лишь потому, что полагаете, что и я тоже страдаю таким же недугом. Не так ли? — неожиданно для старика-доктора вопросом на вопрос ответила Екатерина Михайловна.

— Ну почему же вы так решили? — смутился тот.

— Только лишь потому, что надеть на себя все черное в такую жару может только человек сумасшедший.

— Видите ли, в чем дело...— начал было объяснять старик-доктор, но его перебил кондуктор.

— Станция Бабарыкино! Повторяю — станция Бабарыкино, подъезжаем! — громко объявлял он, неспешно проходя по коридору вагона.— Станция Бабарыкино! Готовьтесь к выходу, не забывайте свои вещи, станция Бабарыкино! — повторял он.

Поезд стал заметно сбавлять скорость и за окном стали проплывать пристанционные постройкы, а вскоре справа по ходу поезда появилось и само здание станции.

— Бабарыкино. Осталось еще немного потерпеть эту вагонную духоту, скоро — Ефремов,— вполголоса произнес смотревший в окно изнывающий от жары и вспотевший толстяк. Он снял с себя шляпу и словно веером обмахивался ею. Вдруг он неожиданно вскочил с дивана и начал внимательно что-то рассматривать за окном. Поезд в это время плавно подошел к перрону и остановился.

— Господа, на станции военные! — громко и взволнованно произнес он.

— Чего это вы, любезнейший, так встрепнулись? В том, что на станции военные, нет ничего удивительного, ведь идет же война,— спокойно ответил ему старик-доктор.

— Да нет же, это настоящие военные, в погонах,— уточнил толстяк и с удивлением всех оглядел.— Взгляните сами, вот же они,— он указал рукой за окно.

Все без исключения прильнули к окну. У станции к коновязи было привязано не менее десятка ухоженных и добротных с седлами лошадей. Рядом с лошадьми и на перроне стояло много военных, они вглядывались в окна вагонов. На соседнем запасном пути стоял грузовой состав. Раздвижные двери его вагонов были раскрыты настежь, и в вагонах хозяйничали военные. Они выбрасывали из вагонов грузы. На улицу летела солдатская форменная одежда, лошадиные седла, хомуты, сруи, винтовки и ящики с патронами. Другая часть военных подбирала выброшенное из вагонов имущество. Некоторые из них, примерив на себе новые сапоги, тут же надевали их, а старые здесь же бросали, другие перевязывали сапоги попарно и закидывали их себе за плечи, винтовки и ящики с патронами складывали отдельно. С улицы доносились отдаленные выкрики и выстрелы.

— Казаки! — воскликнул черноволосый мужчина и, как показалось Софье, в его глазах промелькнули искорки страха.

— Да, действительно, казаки,— подтвердил толстяк. В отличие от черноволосого, он был спокоен.— Откуда же здесь взялись казаки?! Ведь фронт находится в нескольких сотнях верст отсюда?! — удивился он.

Казаки тем временем, переговариваясь друг с другом, собирали выброшенное из вагонов имущество и несли его к станции, где аккуратно укладывали в повозки. Другая группа казаков направилась к подошедшему пассажирскому поезду. Загремели железные дверные засовы, шумно открылись двери вагонов. Сразу стали отчетливо слышны доносившиеся с улицы крики, плачь, ругательства, звон битых стекол, выстрелы. В вагон вошли казаки и медленно двинулись по коридору, внимательно вглядываясь в лица пассажиров. Следом за ними семенил перепуганный кондуктор Ложкин. Пассажиры молчали. Екатерина Михайловна незаметно для всех сняла с пальца перстень, сунула его в перчатку и зажала в кулаке, казаки не заметили этого и прошли дальше по вагону, однако двое из них остановились напротив. Один из казаков был по возрасту около тридцати лет, с черной густой бородой и усами. Другой, около двадцати лет, без бороды, рыжеволосый и с такими же рыжими усами. Фуражки их были заломлены набекрень, оголив чубы.

— Коммунист? Комиссар? — рыжеусый казак в упор взглянул на черноволосого.

— Никак нет, господин офицер, я — рабочий,— заметно побледнев, ответил тот.

— Петро,— обратился рыжеусый к бородатому казаку,— как ты думаешь, этот

комиссар или нет? Какой-то он даже подозрительный,— спросил он, указывая ногой на черноволосяго.

— А пес его душу знает — комиссар он али не комиссар.

— Да не комиссар я, господа офицеры, не комиссар,— взмолился черноволосяый мужчина.

— А вот мы зараз проверим, комиссар ты али нет?! — ухмыляясь в усы, проговорил рыжий казак.— А ну живо на выход, а то, неровен час, пристрелю! — казак сорвал с плеча винтовку и стал подталкивать ею черноволосяго к выходу.

Увидев такое обращение казаков с пассажирами, Софья впала в шоковое состояние. Она прижала руки к груди, добела сцепив пальцы, лицо ее покраснело, дыхание участилось. «Мама!» — тихо вскрикнула она в тот момент, когда казак сорвал с плеча винтовку. Екатерина Михайловна взяла дочь за руку и ждала ее.

— Не бойся, Сонечка, господа военные нас не тронут,— произнесла она, затем взглянула на казаков: — Господа, вы испугали мою дочь!

— А вы, барышня, шибко не пужайтесь. Что до нас, то мы ищем комиссаров и коммунистов. Ежели вы ни к какой такой категории не относитесь, то и пужаться вам нечего,— нахмутив брови, ответил Екатерине Михайловне бородатый казак.

В вагоне в это время было шумно. Казаки ходили по коридору взад и вперед. Слышались крики, женский и детский плач, ругательства. С улицы также доносились голоса; кто-то кому-то отдавал приказания, ржали лошади, в соседних со станцией дворах неистово лаяли собаки, где-то вновь началась стрельба. К стоявшим напротив Екатерины Михайловны казакам подошли еще несколько казаков во главе с офицером.

— Ну что тут у вас, вахмистр? — спросил офицер у бородатого казака.

— Да вот, господин есаул, никак не пойдем — ентот комиссар али нет? — ответил тот, указывая на черноволосяго.

— С чего вы взяли, Петро, что он комиссар? У него на лбу не написано! — удивился есаул.

— Да вот Семен гутарит, шо он даже подозрительный какой-то.

— В чем заключается твоя подозрительность, Семен? — есаул взглянул на рыжего казака.

— Что-то он, ваше благородие, шибко глазами зыркает в разные стороны, словно нас испужался, наверняка — комиссар.

Есаул ухмыльнулся.

— Ну, коли он у тебя вызвал подозрительность, то выводите его на улицу, там разберемся. Да смотри, чтобы он с поезда не сиганул да не утек! Головой за него отвечаешь! — приказал есаул и с группой казаков пошел дальше по вагону.

— Господа, это недоразумение! Я рабочий с оружейного завода, возвращаюсь в Тулу из Ельца от родителей, а фамилия моя — Иванов,— черноволосяый мужчина, назвавшийся Ивановым, начал объясняться перед казаками, смотря на них и окружающих его пассажиров растерянным взглядом.

— Рабочий с ружейного завода, гутаришь? — недоверчиво переспросил у него вахмистр.— А ну-ка покаж свои руки,— потребовал он. Иванов выставил перед вахмистром руки, и тот стал их внимательно со всех сторон рассматривать.— Брешешь, собака! — злорадно ухмыльнулся он в бороду.— У ружейных рабочих руки маслом с мазутом перепачканные, а у тебя белые, как у бухгактера. Провести меня захотел?! — грозным голосом спросил он.— А ну-ка, двигай до выхода! — вахмистр и рыжеусый казак стали прикладами подталкивать Иванова в сторону двери.— Ах ты мразь подзаборная, хотел провести нас... рабочий он с ружейного завода! Знаем мы, какие вы рабочие! Вот погоди, возьмем Ефремов, а там, глядишь, и Тулу с ружейным

заводом у вас, комиссаров краснопузых, отобьем,— произнес вахмистр, продолжая подталкивать прикладом черноволосого мужчину.

Уведя с собой Иванова, казаки ушли. Пережившие минуты страха пассажиры молчали. Екатерина Михайловна продолжала держать Софью за руку, старик еще крепче прижал к себе саквояж, его лицо от волнения покрылось красными пятнами. Толстяк носовым платком вытирал вспотевшее лицо и шею. Затем достал часы, откинул крышку и взглянул на циферблат.

— Однако! — воскликнул он, ни к кому не обращаясь.

В это время по вагонному коридору возвращались казаки во главе с есаулом.

— Господин есаул! — обратился к нему толстяк, убирая часы в карман пиджака, но есаул не услышал его и прошел мимо. Пропустив перед собой шедших следом за есаулом казаков, толстяк направился вслед за ними.

После того, как казаки покинули вагон, все прильнули к окну, наблюдая за тем, что происходило на улице. Софья тоже начала всматриваться сквозь стекло, она уже пришла в себя и высвободила свою руку из материнской руки. На перроне тем временем казаки собрали в одну группу всех снятых с поезда пассажиров. Среди них был и Иванов, он растерянным взглядом смотрел на казаков. В это время Софья увидела, как от поезда по перрону в сторону казаков прошел толстяк. Он подошел к есаулу и стал ему что-то говорить, едва заметно указывая рукой в сторону поезда. Тот внимательно выслушал толстяка, взглянул в указываемую им сторону и с несколькими казаками быстрым шагом вновь направился к вагону, толстяк при этом остался на перроне. Войдя в вагон, казаки прошли по коридору и остановились напротив Акимки.

— А ну-ка, подойди сюда! — приказал ему есаул и поманил пальцем. Акимка подошел и есаул с силой рванул на его груди рубаху, сунул руку за пазуху и вытащил письмо от брата красноармейца, начал бегло читать его, а прочтя, смял письмо и бросил на пол.— Взять! — приказал он казакам, указав на Акима.

Казаки схватили Акима за шиворот и потащили к выходу.

— Дяденьки! Не надо, дяденьки! Я домой поеду, меня там мамка с батькой ждут, дяденьки! Простите меня, я домой поеду! — запричитал тот, с ужасом смотря на казаков.

— Пш-ш-шел! — прикрикнул на Акима один из казаков и поддал ему коленом под зад.

— Дяденьки! Простите меня, Христа ради, дяденьки! Я домой поеду! — со слезами на глазах взмолился Акимка, но казаки не слушали его. Тогда он сначала присел, а затем вовсе упал на спину и начал взбрыкивать ногами, надеясь таким образом отбиться от казаков.

— Ах ты, щенок! Ты еще лягаться вздумал?! — закричал на Акима один из казаков и перепоясал его нагайкой. Тот взвыл от боли и начал, словно уж, извиваться на полу.

— Господин офицер, неужели вы не видите, что это еще ребенок, к тому же он видимо... недоумок! — обратилась Екатерина Михайловна к есаулу.— Прошу вас, отпустите его, не берите грех на душу! — попросила она.

— Ребенок?! Недоумок?! Завтра этот недоумок, этот ребенок, эта рвань краснопузая будет в нас из пулемета палить! — резко со злостью в голосе ответил Екатерине Михайловне есаул и сдвинул брови к переносице.— Увести! — нервно дернув уголок уса, вновь приказал он казакам, остановившимся в нерешительности после просьбы Екатерины Михайловны. Затем повернулся к стоявшему рядом с ним рыжему казаку с усами.— А ну-ка, Семен, посмотри, что там у этого старика в портфеле? — приказал он, указав на доктора.

— А ну сказывай, шо там у тебя в сумке? — спросил Семен и, не дождавшись ответа, выхватил саквояж из рук доктора. — Нету тут никакого золота, все нам набрехал ентот жирный мужик, надоть его, господин есаул, выпороть, чтоб боле нам не брехал, — проговорил он, продолжая рыться в саквояже старика. — Вот, господин есаул, только писанина какая-то, — удивился Семен, доставая из саквояжа исписанные листы бумаги и передавая их есаулу.

Тот взял листы и начал их читать. Затем оторвался от чтения и взглянул на старика.

— Что это у вас за письменность? — спросил он, потрясая листами.

— Это, господин офицер, моя научная работа, — ответил старик-доктор, пытаясь забрать у есаула листы, но тот их не отдал. — Осторожно, прошу вас, — это труд всей моей жизни, — жалобным голосом попросил он есаула.

— Труд всей жизни, гутаришь? Зараз мы поглядим, что это за труд такой? — ухмыльнулся есаул, и вновь начал вчитываться в написанное.

— Неужто он и впрямь в ентих бумагах всю свою жизнь расписал? — удивился рыжий казак Семен, переводя взгляд с бумажных листов на старика, а затем на есаула.

— Господин есаул, а может в етих листах написана шифра какая? — к есаулу обратился стоявший до этого молча бородатый казак Петро. — Вот помнится мне, еще до германской, служил я в Петербурге, и довелось нам как-то разгонять уличную демонстрацию. Так вот мы тогда у одного зачинщика ентот самой демонстрации нашли шифру. То же вроде бы как писанина какая, а оказалось — шифра. От етих комиссаров шо хошь можно ожидать.

— А я почем знаю? Может это и шифра, а может старик и вправду ученый какой. Ты вот что, Петро, отведите-ка его до их высокоблагородия, пушай он сам эту письменность поглядит. Да гляди мне, за старика отвечаешь головой, — распорядился есаул.

— Слушаюсь! — ответил казак и повернулся к доктору. — Пошли, старик, с атаманом нашим погутаришь.

Доктор покивал головой, затем закрыл саквояж и со вздохом поднялся с дивана.

— Ну что же, пойдемте, поговорим с вашим атаманом. Только прошу вас, господа, не растеряйте по дороге мои листы, — попросил он и направился с казаками к выходу.

После их ухода Софья увидела на полу среди другого разного мусора скомканное и брошенное есаулом отобранное у Акима письмо. Сама не зная зачем, она наклонилась и быстро подняла его и, чтобы не увидела Екатерина Михайловна, спрятала в манжету рукава платья, затем отвернулась и стала смотреть в окно.

В это время на перрон на вороном коне и в сопровождении нескольких офицеров въехал бородатый казак. В отличие от других казаков, на его погонах были карандашом нарисованы зигзаги, что означало генеральский чин. Это был командующий дивизией Донского корпуса Мамонтова генерал Постовский Владимир Иванович.

К нему подвели старика-доктора и передали бумажные листы. Прежде чем приступить к чтению листов, Постовский внимательно взглянул на старика, а затем начал читать. Прочтя, а больше просто бегло просмотрев листы, он вернул их старику, затем спешился и, передав поводья ординарцу, в сопровождении нескольких казаков направился к поезду. Есаул, увидев его, опрометью выскочил из вагона и, подбежав к нему, взял под козырек.

— Ваше превосходительство, по вашему приказанию станции нанесено максимальное разорение — взорвана водокачка, разбита телефонно-телеграфная и селекторная аппаратура. В селе уже выявлено несколько партийных руководителей, но

рейд по куреням для поиска коммунистов и комсомольцев продолжается. Захвачен шедший в Елец товарный поезд с оружием и обмундированием для красной армии, взятые в плен двое сопровождавших поезд красноармейцев, сейчас их допрашивают в здании станции. С пассажирского поезда снято несколько человек, среди которых, по нашему разумению, есть красноармейцы, коммунисты и комсомольцы.

— Почему с поезда снято несколько человек?! — возмущился генерал. — С поезда высадить всех пассажиров... всех без исключения... и старых и малых... и построить их в шеренгу вот здесь, вдоль стены, — он указал рукой в сторону здания станции. — Кто будет оказывать сопротивление или попытается сбежать, расстрелять на месте.

Получив приказание, казаки бегом побежали к поезду и под выкрики и ругань начали силой выгонять людей из вагонов, сгоняя их к станционному зданию. Екатерина Михайловна медленно поднялась с места и, придерживаемая Софьей, с трудом направилась к выходу. Еще труднее она спустилась по порожкам из вагона на перрон. Вскоре люди плечом к плечу выстроились в шеренгу у стены станционного здания. Перепуганная Софья с трудом удерживала под руку обессилившую мать, и стоявший рядом с ними кондуктор Ложкин подхватил Екатерину Михайловну под другую руку, также стал удерживать ее. Генерал Постовский постоял немного, выждал, пока в шеренге смолкли голоса, и медленной походкой направился вдоль людей, внимательно глядясь в их лица. За ним последовали казаки.

— Коммунистам, комиссарам и комсомольцам выйти из строя, — приказал он, но никто не вышел. Генерал остановился, вновь, словно нехотя, обвел всех взглядом и продолжил: — Если кому-то известно, что среди находящихся здесь людей есть красноармейцы, комиссары, коммунисты и комсомольцы, прошу указать на них.

Кондуктор Федор Ложкин уже больше года состоял в ефремовской партийной ячейке и, услышав требование генерала о выдаче коммунистов, не на шутку перепугался, так как в шеренге стояли знавшие его ефремовцы, но его никто не выдал. — Ну что же, тогда поступим так, — генерал вновь медленно побрел вдоль шеренги. — Ты, выходи, — указал он на среднего возраста плотного телосложения мужчину. — Ты, тоже выходи, — приказал он следующему мужчине, высокорослому и широкоплечему. — Ты... ты... и ты, — последним он указал на кондуктора Ложкина. Они вышли. — Вам приказываю оборвать телеграфные провода на столбах, а сами столбы повалить на землю. — Затем повернулся к есаулу. — Машинистов ко мне, с обоих поездов, и стрелочника, — распорядился он. Вскоре к нему подвели двух машинистов и станционного стрелочника. Постовский довольно-таки долго и пристально глядясь в перепачканные лица машинистов, а затем произнес: — Разогнать паровозы навстречу друг другу и врезаться ими друг другу в лоб, да чтобы паровозы были с вагонами и на полном ходу, узнаю, что ход замедлили, расстреляю. — Затем повернулся и взглянул на стрелочника. — Как только паровозы разъедутся, немедленно перевести стрелки на один путь и дать сигнал машинистам для начала движения.

— Слушаюсь! — перепуганный стрелочник вытянулся перед Постовским навытяжку.

— А вы, есаул, — генерал повернулся к есаулу, — выделите казаков для догляда, чтобы ни машинисты, ни стрелочник не сбежали и в точности выполнили мое приказание. Подозреваемых в причастности к советской власти отвести в сторону и взять под караул, всех остальных отпустить, — приказал генерал и направился в сторону станционного здания.

— Снятых с поезда коммунистов, комиссаров и комсомольцев отвести в сторону посадки и окарауливать, — продублировал есаул приказание генерала, указывая нагайкой в сторону росших вдоль железнодорожного полотна деревьев, — а осталь-

ные — свободны! — громко и торжественно объявил он, но люди продолжали стоять. — Свободны, свободны! — вновь повторил есаул, и только после этого стоявшая шеренга людей зашевелилась, загудела, заговорила сначала тихо, а потом все громче и громче, и начала расходиться в разные стороны, натываясь друг на друга и мешая друг другу. Многие стали выкрикивать имена потерявшихся родных, друзей или просто знакомых.

Софья и Екатерина Михайловна в числе многих других людей направились от станции в сторону дороги, ведущей на Ефремов. Екатерина Михайловна хотя и с трудом, но шла сама, изредка придерживаемая дочерью. Что им нужно было делать дальше и как поступить, они не знали. Пройдя несколько метров, Софья увидела, как от мужиков, рвавших со столбов телеграфные провода и валивших на землю столбы, отделился кондуктор Ложкин и незаметно вышел на дорогу, где смешался с людьми. Пошел быстро по дороге, обгоняя основную массу людей, и вскоре побежал во всю прыть в сторону Ефремова. Пройдя несколько метров, Екатерина Михайловна тяжело задышала и остановилась.

— погоди, Сонечка, давай постоим немножко, дай отдышусь, — произнесла она.

Осмотревшись по сторонам, Софья недалеко от себя увидела лежавшее вдоль дороги бревно, и, осторожно придерживая Екатерину Михайловну под локоть, препроводила ее к этому бревну и обе присели на него. Екатерина Михайловна тяжело перевела дух, склонила голову и стала смотреть на землю, обе молчали, говорить ни о чем не хотелось.

Мимо них в сторону Ефремова, поднимая ногами пыль, шли снятые с поезда люди, им не было никакого дела до сидевших на бревне двух женщин. Тем временем день уже перевалил на вторую половину, и было жарко. В придорожных травах пели кузнечики, гудели и не давали покоя шмели и осы. Со стороны железнодорожного полотна слышались звуки грохотавших вагонов, поезда на большой скорости неслись навстречу друг другу. Софья смотрела на них, и в этот момент вдруг увидела, как из дверей станционного здания казаки вывели ее знакомых Сашку Тихонова и Никиту Платонова. Они были босы, лица их были избиты в кровь, гимнастерки испачканы и разорваны, руки их были связаны за спиной. Казаки периодически подстегивали их нагайками и, наезжая лошадьми, повели в сторону группы снятых с поезда пассажиров.

— Мама, там Сашка и Никита! — воскликнула Софья.

Екатерина Михайловна подняла голову, и в этот момент со стороны станции раздался оглушительный силы грохот. Поезда на полном ходу врезались друг в друга, послышался лязг и скрежет металла, треск наезжавших друг на друга и разваливающихся на ходу вагонов, возгласы остановившихся и устремивших свои взгляды на происходящее людей. В ту же минуту все отчетливо увидели, как стоявший вместе с другими задержанными людьми Акимка, воспользовавшись замешательством охранявших его казаков, рванул с места и стал убегать от них по полю. Один из казаков что-то стал кричать ему вслед, второй, пришпорив коня, погнался за ним, и в ту же секунду третий казак привстал на стременах, вскинул ружье и выстрелил в Акима. Тот словно споткнулся обо что-то, как-то неестественно взмахнул руками и упал, уткнувшись лицом в землю. Подскакавший к нему гнавшийся за ним казак мельком взглянул на лежавшего Акимку, затем потянул на себя поводья, задрал лошади голову и, развернувшись, поскакал обратно. Подскакав к стрелявшему казаку, он махнул рукой. Увидев это, Софья закричала каким-то чужим диким голосом, затем закатила под лоб глаза и, потеряв сознание, начала валиться на землю.

— Сонечка! Доченька! — вскрикнула Екатерина Михайловна и бросилась к дочери, пытаясь удержать ее от падения. Софья упала навзничь и затихла. — Доченька,

что с тобой?! — Екатерина Михайловна от растерянности, не зная, что нужно делать в такой ситуации, начала тормошить Софью. — Помогите! На помощь! — кричала она. — Господи, помоги, спаси и сохрани! — взмолилась она.

Шедшие по дороге люди остановились, стали смотреть на лежавшую на земле Софью и кричавшую Екатерину Михайловну, но никто не оказывал им никакой помощи. Вдруг сквозь стоявших на дороге людей протиснулся доктор-старик. Он сунул в руки Екатерины Михайловны свой саквояж и бросился к Софье. Стал ладонями хлестать ее по щекам, массажировать ей мочки ушей, мять мизинец на левой руке. Наконец она пришла в себя и, открыв глаза, стала обводить всех удивленным, ничего не понимающим взглядом.

— Все, пришла в себя, — тихо проговорил доктор. — Скажите, милая барышня, как вас зовут? — спросил он громким голосом, обращаясь к Софье.

— Софья.

— А где вы сейчас находитесь? — вновь задал вопрос доктор.

— На дороге рядом со станцией.

— А вы знаете, кто это? — доктор указал на перепуганную Екатерину Михайловну. — Как ее зовут?

— Да, знаю. Это моя мама, а зовут ее Екатерина Михайловна, — ответила Софья.

— Ну, слава богу! С вашей дочерью все в порядке, просто у нее был сильный испуг и нервный стресс, спровоцировавший временную потерю сознания, — произнес доктор, обращаясь к Екатерине Михайловне. — А вы сами-то, барыня, как себя чувствуете? — спросил у нее доктор.

— Спасибо, я в порядке, — тяжело дыша, ответила Екатерина Михайловна. — Сонечка, милая, скажи, как ты себя чувствуешь? — обратилась она к дочери.

— Хорошо, мама, — тихим голосом ответила Софья.

Стоявшие вокруг них люди подняли Софью с земли и усадили на бревно, Екатерина Михайловна села рядом. Она прижала Софью к себе и начала качать ее словно маленького ребенка.

— Доченька, миленькая моя, я так сильно за тебя испугалась, — зашептала она Софье на ухо. — Идет война, и возможно такие страшные моменты тебе в жизни еще придется увидеть не раз, будь к этому готова.

— Мама, как можно быть готовым видеть, как одни люди убивают других?!

— Я тебя понимаю, — согласилась с дочерью Екатерина Михайловна. — Как ты себя чувствуешь? Ты в порядке? — вновь поинтересовалась она состоянием дочери, забеспокоившись ее долгим молчанием.

— Я в порядке, со мной все хорошо. Мама, за что они убили Акимку? — спросила она, всматриваясь в ту сторону, где лежал на земле Аким, и где рядом с ним собрались казаки и какие-то люди, одетые в гражданскую одежду.

— Наверное, за то, что он стал убегать от них, — вздохнув глубоко, неопределенно ответила Екатерина Михайловна и с испугом взглянула на доктора. — Можно ли разговаривать с нею на эту тему?

— Все хорошо, не переживайте, разговаривайте с ней обо всем и, пожалуйста, пойдете отсюда поскорее, — сказал доктор.

Пережив страх из-за потери Софьей сознания, Екатерина Михайловна, несмотря на плохое самочувствие, пошла быстрым и уверенным шагом, обняв Софью за спину, она начала подталкивать ее, надеясь, таким образом, быстрее покинуть это страшное место. Доктор последовал за ними.

— Спасибо вам огромное, если бы не вы, я даже не знаю, что могло бы случиться! — поблагодарила его Екатерина Михайловна. Доктор кивнул головой. — Кстати, вам вернули вашу научную работу? — спросила она.

— Да полноте вам, барыня, все это пустое,— махнул тот рукой.

Какое-то время шли молча. Отойдя от станции некоторое расстояние, Софья вновь заговорила.

— Там среди них Сашка Тихонов и Никита Платонов, я их узнала,— произнесла Софья.— Неужели их тоже убьют? — тихо спросила она.

— Кто они такие? Откуда ты их знаешь? — спросила у Софьи Екатерина Михайловна.

— Они из деревни Ордынка, часто приходили к нам в наше имение, и мы вместе играли в мяч, а старший брат Никиты служил у нас конюхом.

— Это какой брат? Прохор, что ли?

— Да, по-моему, его звали — Прохор.

— Погоди-ка. А не тот ли это Сашка Тихонов, которого по приказу нашего папеньки этот самый Прохор кнутом высек за то, что он тебя поцеловал?

— Да, тот,— ответила Софья и покрылась румянцем то ли от волнения, то ли от напоминания матери о ее первом в жизни детском, а потому самым дорогим и запомнившимся на всю жизнь поцелуе.

— Погоди, Софья, так значит, это они сожгли наш дом?! Так значит, это они виновны в смерти твоего отца?! — тихим голосом, перешедшим в зловещий шепот, спросила Екатерина Михайловна. Она даже остановилась и вновь тяжело задышала.— Не жалей их! Не жалей их! — дважды, словно заклинание, повторила она.— Бог их наказал,— подытожила она сказанное и, нахмутив брови, замолчала.

— Мама, Сашка Тихонов не сжигал наш дом, его не было среди тех людей. Это он предупредил нас о погроме и советовал нам убежать, разве ты не помнишь этого? — спросила у матери Софья.

Екатерина Михайловна промолчала. Она решила прекратить этот разговор и, отвернувшись от Софьи, медленно побрела по дороге. Невольно ей вспомнилась произошедшая с их семьей трагедия...

* * *

...В сентябре 1917 года проходивший в Ефремове съезд крестьянских депутатов выдвинул требование: всем без исключения помещикам свои частновладельческие хозяйства передать местным земельным комитетам, состоявшим из крестьянских сообществ. Однако помещики отказались выполнить волю крестьян и уже в конце месяца начались крестьянские выступления против помещиков, сопровождавшиеся погромами и поджогами их имений.

Помещики Рязановы каждый вечер с ужасом и тревогой наблюдали, как где-то там, за горизонтом, в тех местах, где находились помещичьи усадьбы, небо периодически покрывалось багряным заревом пожарищ. А в одну из темных октябрьских ночей в их доме раздался громкий стук в окно. Стучали очень настойчиво, а потому хозяин поместья Серафим Аркадьевич вышел в одном нижнем белье. Чуть позже, одев на себя теплые одежды, вслед за ним вышли Екатерина Михайловна и Софья. На улице верхом на лошади сидел Сашка Тихонов.

— Собирайтесь живо! Берите с собой все самое необходимое и ценное и бегите отсюда! Мужики наши с дубинами, вилами, а кто и с ружьями сюда собираются идти, вас громить. Бадьи с керосином на телеги составили, ваш дом жечь будут! Пьяные они, бегите, пока не поздно! — тяжело дыша, проговорил Сашка, искоса взглянув на Софью.

— Спасибо тебе, братец, что предупредил нас, спасибо! — придя в себя через некоторое время после услышанного, сглотнув от волнения слюну, произнес Серафим Аркадьевич.— Век не забуду, в церкви за тебя свечку поставлю и в поминальной записке напишу о здравии. Как звать-то тебя, братец? — спросил он.

— А мне от вас, барин, ничего не надобно,— со злостью в голосе перебил его Сашка.— Ни свечек ваших, ни заздравных записок. Вы мне уже оставили свою расписку, следы от нее у меня на спине на всю жизнь сохранились, после того, как коных ваш Прохор-хромой по вашему приказанию на конюшне с меня кнутом кожу сдирал. Вспомнили меня? Да и не о вас я пекуся, а о дочке вашей — Софье. Кабы не она, сам бы лично ваш дом спалил! — неожиданно для всех проговорил Сашка и исподлобья взглянул на Софью. Екатерина Михайловна перехватила его взгляд и взглянула на дочь. Скорее не увидела, а материнским чутьем угадала, как Софья залилась румянцем.

— Сонечка, уйди в дом и быстро собери для себя все самое необходимое на дорогу, мы уходим,— распорядилась она, легонько подталкивая дочь в дом и закрывая за ней дверь.

Войдя в дом, Софья прижала холодные ладони к пылающему лицу, спиной прижалась к двери и прикрыла глаза. Увидев на улице Тихонова Сашку, она внезапно испытала нахлынувшее на нее чувство сильного душевного волнения и теперь никак не могла справиться с ним. Она почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце, молоточками застучала в висках кровь, поднимая грудь, участилось дыхание. Софья давно испытывала к Сашке теплые и нежные чувства. Испытывала с того самого момента, когда они в детстве, убежав под овраг к пруду за укотившимся туда мячом, неумело и по-детски поцеловались. На их беду это увидел поивший в пруду лошадей хромой конюх Прохор Платонов. Притаившись за кустами, он стал наблюдать за ними. Злорадно улыбаясь, увидел, как после поцелуя Софья покраснела от стыда и отстранилась от Сашки, а затем вдруг сама прильнула к нему, обняла его и они еще несколько раз поцеловались. Это были их первые в жизни поцелуи. Затем Софья оттолкнула от себя Сашку и, смеясь, побежала к дому. Проводив Софью взглядом, тяжело дышавший от нежных чувств Сашка закатал до колен штанины, зашел в пруд, взял мяч и направился следом за убежавшей Софьей. Прохор напоил лошадей, а затем, припадая на хромую ногу, пришел к Серафиму Аркадьевичу и рассказал ему об увиденном. Взбешенный этим известием Серафим Аркадьевич велел выпороть Сашку, после чего запретил ему появляться в их имении, а дочь запер в доме и несколько дней не выпускал на улицу.

После этого Софья долго не виделась с Сашкой. Увиделись они спустя год случайно на станции Птань, откуда Софья вместе с матерью уезжала в город Елец погостить у дяди. Сашка в это время с отцом грузил на телегу мешки с мукой. Увидев его, обсыпанного с головы до ног белой мучной пылью, Софья прыснула от смеха, а Сашка бросил работать, уселся на эти мешки и стал смотреть на нее, боясь оторвать от нее взгляда, боясь подойти к ней и боясь заговорить с ней. Лишь смотрел на нее и улыбался, и прежде чем Софья вошла в вагон, незаметно для Екатерины Михайловны помахал ей рукой. Тогда Софья, как и сейчас, при виде Сашки тоже испытала сильное волнение, больше они не виделись. И вот теперь Сашка ночью прискакал на лошади, чтобы предупредить о надвигающейся опасности — ее предупредить.

А Сашка, тем временем, еще раз смерив Серафима Аркадьевича и Екатерину Михайловну недобрым взглядом, стеганул лошадь и скрылся в ночной темноте.

— Однако, Серафимушка, нам нужно поторапливаться. С минуту на минуту могут появиться погромщики, нужно уходить,— сказала Екатерина Михайловна, обращаясь к мужу, но тот, постояв какое-то время в раздумье, возразил ей.

— Нет, милая, не нужно никуда уходить, я думаю, они не посмеют нас тронуть.

— Почему ты так уверен в этом? Других-то трогают, а нас они почему должны пожалеть? Я не верю этому, нужно уходить,— возразила мужу Екатерина Михайловна.

— Нет, нет. Не надо никуда уходить, давайте останемся дома. Я никому из крестьян никуда не делал ничего плохого, всегда старался им в чем-то помочь, к тому же все требования съезда крестьянских депутатов я выполнил,— произнес Серафим Аркадьевич, и Екатерина Михайловна, несмотря на дурные предчувствия, согласилась с мнением мужа.

Вошли в дом, на всякий случай собрали необходимые для дороги вещи, спрятали в одежды документы, деньги и драгоценности, а затем, словно перед дальней дорогой, присели на стулья и стали ждать погромщиков.

Через полчаса с улицы донесся конский топот, тележные дребезжания, и на территории усадьбы въехало несколько крестьянских подвод. Стали раздаваться приглушенные голоса людей, тихое ржание лошадей. Почуввав недоброе, во дворе завыла помещичья собака. Вскоре громко и настойчиво забарабанили в дверь. Серафим Аркадьевич поднялся со стула и, подойдя к двери, открыл ее. Запустив свежий осенний воздух, в дом вошли несколько крестьян.

— Ну, здравствуйте вам, барин Серафим Ркадич,— поздоровался с Серафимом Аркадьевичем небольшого роста бородатый старик и по привычке снял шапку, но тут же замешкался, не зная, куда ее деть, наконец, засунул за подпоясину старого поношенного тулупа. Серафим Аркадьевич как ни старался вспомнить этого старика, так и не смог этого сделать; ни имени его не вспомнил, ни фамилии, ни из какой он деревни.— Вот, стало быть, дела нынче такие, Серафим Ркадич... вот, стало быть, приехали мы к вам... стало быть...— от волнения старик никак не мог сформулировать свою речь и объясниться с Серафимом Аркадьевичем.

На помощь старику пришел стоявший рядом с ним средних лет мужик, одетый в солдатскую шинель, но без погон. На солдатской фуражке темным овальным пятном с дыркой выделялся след, оставшийся от солдатской кокарды.

— Значит так, барин,— дыхнул он на Серафима Аркадьевича из-под усов водочными парами,— я, как председатель комитета бедноты, заявляю вам, что вы не подчинились съезду крестьянских депутатов и не отдали свои земли земельному комитету, а потому мы создали сельский сход, на котором постановили следующее,— он замолчал на некоторое время, достал из кармана шинели потертый лист бумаги, развернул его и, прокашлявшись в кулак, начал читать: — Все ваши земли передать в земельный комитет, с предоставлением права земельному комитету самим определять порядок обработки, обсеменения, уборки полей и укоса трав. Так же реквизировать все ваши запасы, скотину и другое имущество. Самих же вас, как враждебный класс трудовому крестьянству, изгнать с нашей земли, а дом — спалить. Вот такое будет вам наше сельское решение,— мужик взглянул на стоявших и словно онемевших Серафима Аркадьевича и Екатерину Михайловну, затем перевел взгляд на перепуганную Софью.— А вы, барышня, ушли бы куда с глаз долой, спрятались бы где от греха подальше, а то, неровен час, кабы вас тут кто не обидел,— сказал он, косо глядя на нее, но Софья продолжала стоять рядом с родителями. Екатерина Михайловна взяла Софью за руку и прижала к себе. Председатель комитета бедноты покряхтел, вновь кашлянул в кулак и разгладил рукой усы.— Ну, дело ваше — барское. Попрошу покинуть дом,— распорядился он, указывая рукой в сторону двери. Рязановы подчинились и вышли на улицу, стали во дворе, не зная, что им делать, как поступить в сложившейся ситуации и куда идти. Следом вышел и председатель комитета бедноты.— А вы чего стоите? Берите все, что вам нужно, сбивайте замки на амбарах, забирайте зерно и выводите скот,— приказал он, обращаясь к стоявшим крестьянам, и сам одним из первых направился к амбару. Вслед за ним, с шумом и возгласами, ринулись мужики и бабы.

Серафим Аркадьевич узнал председателя комитета бедноты — это был дезерти-

ровавший с германской войны средний сын Платонова Василия Захар из деревни Ордынка.

К Серафиму Аркадьевичу вновь подошел небольшого роста бородатый старик, тот самый, что не смог с ним объясниться в доме.

— Помнитца, барин, вы как-то сказывали нам: ежели кому будет худо, ежели кому будет чаво не хватать, то приходите ко мне и возьмите, я вам все дам. Вот, стало быть, теперча и пришли. Так что, не обессудьте. А мне бы, Серафим Ркадич, чаво из скотинки, стало быть, телка там какова, али свинку, а боле ничаво и не надоть, только из скотинки чаво,— сказал он, улыбаясь в бороду.— Дык я, стало быть, пойду в хлев-то, возьму там свинку-то? А, Серафим Ркадич, возьму, стало быть? — спросил он разрешения у Серафима Аркадьевича и, не дождавшись ответа, надел на голову шапку и направился в хлев.— Нюрка! Чаво сидишь? Вылазь из телеги, пошли, можа какову скотинку себе возьмем,— позвал он за собой жену.

— Братцы! Не губите, братцы! — наконец-то пришел в себя Серафим Аркадьевич.— Я же выполнил все требования съезда, всю землю вам отдал, себе немного оставил, чтобы с голоду не помереть, а остальное все вам отдал! Вспомните, братцы, я же еще до съезда и цену за земельную аренду снизил, и продажу земли отменил, и большую часть урожая в этом году вам отдал. Братцы, помилуйте! — запричитал он, но неуправляемая толпа мужиков и баб уже не слышала и не слушала слов помещика. Они бесцеремонно отодвинули в сторону хозяев. Со всех сторон стали доноситься выкрики, споры, ругань, рев скотины, звуки разбиваемой в доме мебели. Разграбление продолжалось около часа и все это время Рязановы, прижавшись друг к другу, стояли на улице.

— Все из дома вынесли или еще что-то осталось? — громко спросил у погромщиков Захар Платонов — Если вынесли все, то обливайте комнаты керосином и за паливайте! — приказал он.

— Братцы! Не сжигайте дом, братцы! Заберите все, только не сжигайте дом! Прошу вас, ради Христа, помилуйте! Захар Васильевич, не губи, помилуй! — вскричал Серафим Аркадьевич и упал перед Захаром на колени, обхватил руками полы шинели, сполз еще ниже к грязным солдатским сапогам. Вмиг осунувшийся, с растрепанными волосами и со слезами на глазах, взирал на Захара снизу вверх.— Помилуй, Захар Васильевич! Не губи, ради господа бога прошу, помилуй! — кричал он, хватая руками политую осенними дождями и истоптанную крестьянскими сапогами грязную землю. Увидев это, Екатерина Михайловна и Софья зашлись в громком плаче.

— Палите дом, чего ждете? — высвобождаясь от рук Серафима Аркадьевича, злобно крикнул Захар застывшим в нерешительности крестьянам, державшим в руках бадьи с керосином, и почти в тот же миг запылал дом. Пламя с треском пожирало пол, стены, потолок, разбросанные вещи и разбитую мебель, охватило чердачное перекрытие. Оно пожирало все нажитое годами богатство, пожирало прошлую, некогда счастливую и беззаботную, помещичью жизнь.

А погромщики, погрузив в подводы награбленное имущество и привязав к ним барскую скотину, отправились по домам. Серафим Аркадьевич от бессилия что-либо сделать смотрел на горящий дом, плакал, хватал горстями землю и в ярости бил по ней кулаками. Вдруг он резко схватился руками за грудь и, захрипев, повалился на землю, уткнувшись лицом в грязь. Екатерина Михайловна с Софьей бросились к нему, перевернули на спину, начали вытирать от грязи лицо.

— Серафим! Серафим! Что с тобой?! — кричала Екатерина Михайловна, тряся мужа за плечи.

— Папа! — вскричала перепуганная Софья и прижала руки к груди.

— Серафим, дорогой, любимый, ну скажи что-нибудь! Не молчи, Серафим! — кричала Екатерина Михайловна, продолжая тормошить мужа за плечи, расстегивая пальто, костюм, разрывая рубаху. Затем припала ухом к его груди и замолчала на некоторое время. Не услышав биения сердца, медленно оторвала голову от мужниной груди и взглянула на его неподвижное лицо. В ту же секунду закричала душевраздирающе и упала на мертвое тело.

— За что, Господи?! За что так наказал нас, Господи?! За что?! Серафим, любимый, зачем же ты так поступил?! На кого ты нас оставил?! Как же мы теперь без тебя будем жить, Серафим?! — крича в голос, запричитала она.

Поняв, что произошло страшное горе, Софья тоже закричала, опустилась на колени и тоже припала к телу отца. От их рыданий тело Серафима Аркадьевича сотрясало, согнутые в локтях руки с налипшей на ладонях грязью под такт тела подрагивали, приоткрытый рот перекосялся, отчего казалось, что Серафим Аркадьевич, лежа на спине, смеется, но открытые глаза с неподвижными зрачками мертвенно отражали пламя адского пожарища. Пытаясь убежать от огня, извивалась на цепи и громко выла собака.

От мертвого тела Серафима Аркадьевича Екатерину Михайловну и Софью оторвали управляющий их имением птанский крестьянин Гордей Никифорович Фролов и его жена Марфа Антоновна. Они от погромщиков прятались в близлежащем лесу, и вот теперь вышли из своего укрытия. Подошли к Екатерине Михайловне и Софье, взглянули на мертвого Серафима Аркадьевича, перекрестились.

— Будя вам, барыня, будя, — тихо произнес Гордей Никифорович, чуть ли не волюком оттаскивая кричащую Екатерину Михайловну от мертвого мужниного тела. — Девку, девку уведи отсюда, что стоишь-то, как укопанная?! — прикрикнул он на жену, увидев, что та словно онемевшая стоит рядом с барынями. Придя в себя от окрика мужа, Марфа Антоновна подошла к Софье, помогла ей подняться с земли и увела ее в ночную темень.

Затем Гордей Никифорович, оставив на попечение жены плачущих барынь, вернулся обратно и с трудом перетащил тело Серафима Аркадьевича в хлев — единственное строение, оставшееся нетронутым огнем. Закрыл ему глаза, подвезал нижнюю челюсть, сложил на груди руки и прикрыл лицо найденной здесь же тряпкой, которой Марфа насухо вытирала после помывки и перед дойкой коровам вымя. Закрыв хлев, Гордей вернулся к ожидавшим его жене и барыням и увел оглушенных горем мать и дочь Рязановых к себе домой. После похорон Серафима Аркадьевича Екатерина Михайловна с Софьей уехали в Елец, где жили в доме брата Екатерины Михайловны, отставного штабс-капитана Сергея Михайловича Богданова...

(Продолжение следует)

